

УДК 398 (=511.142; 511.131)

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-565-574

Жизненная сущность человека в представлениях обских угров и удмуртов: к вопросу об угро-пермских параллелях в мифоритуальных традициях

Т. В. Волдина

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
tatyanaoldina@yandex.ru*

Т. Г. Миннихметова

*Институт европейской этнологии Инсбрукского университета
г. Инсбрук, Австрия,
minnijah@hotmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. Обско-угорские и пермские традиции сохранили элементы древнего мифологического сознания, изучение которых в совокупности с имеющимися данными смежных наук может пролить свет на историю формирования этих этнических культур. Решение такой сложной проблемы возможно на основе сопоставительного анализа отдельных аспектов мировосприятия, включающих её базовые значения. Авторы не претендуют на однозначность в их трактовке, ограничиваясь для начала определением единого мировоззренческого поля при имеющемся неповторимом своеобразии и индивидуальности культур изучаемых народов.

Цель: выявить комплекс общих и специфических представлений хантов, манси и удмуртов о составляющих человеческой духовной сущности (душах), её характерных и исключительных свойствах, включая перевоплощения, родовые связи и покровительство потомкам.

Материалы исследования: полевые материалы авторов, архивные источники, фольклорные тексты.

Результаты и научная новизна. В настоящей статье представлен первый опыт сопоставительного анализа по данному вопросу, который позволяет высказать гипотезу о существовании общей древней угро-пермской основы, получившей собственное самостоятельное развитие в каждой из культур, и приводит к заключениям, раскрывающим как универсальные понятия для этих этносов, так и самобытные, характерные только для удмуртов или обских угров. У угорских и пермских народов существует чёткое представление о наличии у человека двух компонентов, определяемых как две души – необходимое условие для жизни, в соответствии с которым выработаны определённые суждения, нормы поведения, ритуальные действия. Общим для этих народов являются также представления о влиянии усопших на сотворение жизни и их способности одарить новорожденного душой. Отличительная особенность мировоззрения обских угров заключается в наличии развитой системы представлений о перевоплощениях душ предков в потомках; о связи души и цветка – в мировосприятии удмуртов.

Ключевые слова: представления о душе, ханты, манси, удмурты, угро-пермские параллели, богини-творительницы жизни, предки, перевоплощение, душа-цветок.

Благодарности: авторы выражают свою благодарность членам редакционной коллегии, рецензентам, редактору английского текста Сарат Кумар Йена.

Для цитирования: Волдина Т. В., Миннихметова Т. Г. Жизненная сущность человека в представлениях обских угров и удмуртов: к вопросу об угро-пермских параллелях в мифоритуальных традициях // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 565–574.

Vital essence of a human in concepts of the Ob Ugrians and the Udmurts: to the question about Permian-Ugric parallels in mytho-ritual traditions

T. V. Voldina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
tatyanaoldina@yandex.ru*

T. G. Minniyakhmetova
*Institute for European Ethnology,
University of Innsbruck,
Innsbruck, Austria,
minnijah@hotmail.com*

ABSTRACT

Introduction: the Ob-Ugric and Permian traditions have preserved elements of the ancient mythological consciousness, the study of which together with the available data of related sciences would shed light on the history of the formation of these ethnic cultures traditionally. The solution to such a complex problem is possible on the basis of a comparative analysis of the individual aspects of the perception of the worldview, including its basic values. The authors do not pretend to be unambiguous in their interpretation of limiting themselves for a start to the definition of a single worldview field with the existing of uniqueness, originality and individuality of the cultures of the communities under consideration.

Objective: to examine the complexity of the general and specific ideas of the Khanty, Mansi and Udmurts about the components of the human spiritual essence (souls), its characteristic and exceptional properties, including reincarnation, family relations/ties and patronage of descendants under the perception of their traditional worldview of human life and its basic values.

Research materials: the research materials are based on (a) the proceedings of the field study materials during interaction with the communities specified which are considered as the primary resources of the study undertaken by the researchers, (b) secondary materials are taken from the scientific articles, book chapters and literature etc. published so far, (c) similar research findings by the scholars in this area of study, and (d) archival resources of the nineteenth and twentieth century.

Results and novelty of the research: the study of the ideas about the human soul among the examined ethnicities of the selected communities in this study have their own historical context; nevertheless, a comparative analysis of the findings lead to the novel reflections and conclusions those reveal both universal concepts for the ethnic groups and distinctive/specific characteristics peculiar to the Udmurts or the Ob-Ugrians. The Ugric and Permian people have a clear concept of the presence of two components in a human defined as two souls which are the necessary condition for a life. On the basis of this idea, certain judgments, norms of behavior, and ritual actions have been developed traditionally. The common ideas of these people are also based on the concepts about the role of the 'mother goddess' and the influence of the departed on the creation of the life and their ability to endow a newborn with a soul. A distinctive feature of the worldview of the Ob-Ugrians is the presence of a system of ideas about the reincarnation of the souls of the ancestors in descendants and about the connection between the soul and the flower(s) in the worldview of the Udmurts.

Key words: notion/concept of a soul, Khanty, Mansi, Udmurts, Ugro-Permian parallels, Goddess-creators of life, ancestors, reincarnation, soul-flower.

Acknowledgments: the authors express acknowledgments to the members of the editorial board, reviewers, the editor of the English text Sarat Kumar Jena.

For citation: Voldina T. V., Minniyakhmetova T. G. Vital essence of a human in concepts of the Ob Ugrians and the Udmurts: to the question about Permian-Ugric parallels in mytho-ritual traditions // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (3): 565–574.

Введение

Человеческая душа как феномен привлекала внимание мыслителей с древнейших времён, продолжая и сейчас побуждать к дискуссии специалистов разных профилей. Как известно, «в 18 веке было общепризнано, что человек – это союз материального тела с бессмертной нематериальной душой» [28, 105], такое понимание сложилось намного раньше, во многих культурах, и сохраняется до сих пор.

Сведения об общем восприятии души, происхождении её названия в финно-угорских языках встречаются почти у всех исследователей этих народов. Среди ранних упоминаний о душе и её свойствах в представлениях удмуртов чётко указывается название души – *lul* [14, 186]. В 1888 г. Н. Л. Гондатти писал о разделении жизненной сущности человека на две части у обских угров: «Кроме тела у человека есть тень – *ис* и душа *лиль*» [6].

О родстве этого древнейшего понятия у финно-угров указывалось: «Важнейшим и

распространённым во всех областях остяцким названием души является *lil*, диалектное *lit*, ему соответствует вогульское *lili*. Это древнее финно-угорское слово (венг. *lélek* ‘дух, душа’, зырян. *lol*, вотяц. *lul* ‘душа, дух, жизнь’, лапл. *lievl* ‘пар’, фин. *löyly* ‘водяной пар’, эст. *leil* ‘пар, дыхание, жизнь’) первоначально, очевидно, означало пар, дыхание. Но так как согласно опыту дыхание присуще только живому телу, то в большинстве финно-угорских языков, это слово получило значение “жизнь” <...>. В угорских языках ещё и сейчас это слово имеет оба значения: “дыхание, дух” и “жизнь”» [7, 34].

Из перечня финно-угорских наименований души-дыхания достаточно близкими по звучанию к угорским стоят пермские понятия. В настоящее время накоплен значительный корпус публикаций по представлениям о душе/душах у обских угров и удмуртов, в том числе и полевой материал авторов, что позволяет провести сопоставительный анализ имеющихся данных и определить их общее семантическое поле.

Материалы и методы

Данная работа опирается на многолетние полевые материалы авторов с охватом широкого круга диалектно-этнографических групп рассматриваемых этносов, а также на опубликованные на их основе работы: по удмуртам [11; 27 и др.] и по обским уграм [3; 29 и др.] с привлечением классических трудов по теме [1; 23 и др.], а также материалов Эстонского фольклорного архива – ERA (Eesti Rahvaluule arhiiv).

В качестве исследовательского метода использовался сравнительно-сопоставительный анализ представлений о душе/душах у изучаемых народов, а также применён интерпретативный метод К. Гирца.

Результаты

В мифологиях обских угров и удмуртов нет прямых указаний на происхождение души человека. Опираясь же на мифы о происхождении людей, можно выстроить определённую гипотезу о появлении и возникновении души или самого человека с душой. Например, у данных народов распространены мифы о великанах без разума, которых сменяют люди с

разумом. Согласно сюжету удмуртского мифа «*Бадзым муртъёслэн быремзы / Исчезновение великанов*» [22, 44], сын великанов обнаруживает человека и, принимая его за дятлёнка, приносит домой. Его мать объясняет, что это не птёныш, а человек – существо с разумом, что станет жить на земле в будущем, а великаны исчезнут. В данном мифе присутствуют две важные детали: указание на появление человека с разумом или уже на наличие у человека души-разума и на сравнение человека с птицей. Известны также представления об ассоциациях души с птицей: по рассказам женщин-удмурток, одной из примет предстоящей беременности является неожиданное появление птицы, т. е. души её будущего ребёнка. При похоронных обрядах различного рода сигналы поступают в обликах птиц или через поведение пернатых, рассматриваемых как души умерших. Подобные приметы существуют у хантов и манси, где образы птиц, как и другие зооморфные символы у обских угров символизируют человеческие души, духов-покровителей, духов-предков [23; 13, 297–326].

В своём наиболее архаичном, архетипическом образе птицы, просматривающемся в священных песнях и мифологических сказаниях северных хантов и манси, предстаёт богиня-мать *Калтась*, восседающая на семиствольной берёзе (Древе Жизни), где также сидят её дети – птицы-духи, олицетворяющие собой человеческие души [9; 3]. Согласно верованиям северных обских угров, именно *Калтась* (у восточных хантов – *Пугос*) посылает в Средний мир человеческие души и забирает их обратно [3; 8; 16].

Равным образом, по традиционным представлениям удмуртов и обских угров необходимым условием для жизни является присутствие в физическом теле двух компонентов: души-дыхания *лул* (удм.) / *лил* (хант.) / *лили* (манс.) и души-тени *урт*. (удм.), *ис*, *ис-хор*, *урт* (обско-угор.).

Рассмотрим основные характеристики в отдельности души-дыхания и души-тени, сохранившиеся у обских угров и удмуртов.

Душа-дыхание и её свойства

Наиболее адекватным переводом обско-угорского понятия *лил/лили* является «дух», в качестве синонимов – «маленькая» душа, «внутренняя» душа, душа-птица, у восточных хантов она представлялась также в виде

комара. Она способна периодически возрождаться в новых человеческих телах, имеет связь с Верхним (небесным) миром и отношение к мыслительной деятельности («очень быстрая», «вместе с умом ходит», на макушке головы или в голове располагается и т. п.), т. е. является его сознанием. Она же – носитель определённых черт характера, передатчик определённого кода, повторяющегося в новом человеке при каждом её воплощении.

Известны случаи, когда в ребёнка могли вселиться две души, в этом случае он был беспокойным, обские угры считают, что две души в нём спорят и даже борются. Ребёнок в таком случае будет расти неуравновешенным. В удмуртской культуре присутствие лишней души означало отклонение от нормы, причиняющее физические и психические страдания. Распространённым недугом новорожденного было присутствие в нём лишних душ: *куинь лул/лыл/ныл* – три души. Для избавления от двух лишних душ устраивали обряд и отстраняли их.

В закамско-удмуртском говоре понятию *лул* параллельно имеется и другое слово *жан* (от персидского *джан* – «жизнь, душа»). *Лул/жан* ассоциируется с самой жизнью и дыханием. В течение 40 дней после рождения считалось, что душа ещё не окончательно вселилась в тело ребёнка, поэтому стремились сохранить жизнь младенца путём удержания души при нём. Полагали, что именно в этот период душа *лул/жан* младенца «находится лишь на его макушке», потому опасались, что она его покинет или уйдёт душа *урт*. Про ребёнка ещё не говорили как о человеке, а определяли выражениями *виль лул* – свежая/новая душа, *жан* – душа, *виль зын* – свежий/новый запах. После каждого родившегося ребёнка семья устраивала моление-*куриськон*, где в молитве-обращении объявлялось, что на этот свет пришла новая душа.

Лул остаётся в человеке до конца его жизни; если она покидает тело, человек умирает [2]. Считается, что различные виды душ не одновременно покидают тело в момент смерти. Душа *лул/жан* покидает физическое тело, издавая звук. Для сравнения отметим, что выход души у обских угров также сопровождается свистом, который могут слышать «знающие» люди.

Представления о душе-тени

Душа-тень *ис* или *ис-хор* воспринимается у обских угров как нечто более конкретное и даже в какой-то степени осязаемое, чем

душа-дыхание. Её можно увидеть при определённых обстоятельствах. Она отражает эмоционально-физическое состояние человека и отвечает за жизнеспособность, присуща как людям, так и животным. Наличие души-тени является неременным условием нахождения в Среднем мире. Поэтому первостепенное внимание уделяется сохранению этого витального начала в стремлении продлить своё земное существование.

Душа-тень может испытывать эмоции и чувства, раздражение, привязанность к близким, страх, голод и холод, может пьянеть, иметь различные желания и т. п. [23; 17, 219–224].

Согласно представлениям хантов и манси, человек обладает необходимым набором жизненных сил – это 4-5 частей *ис* – в зависимости от пола. Утрата человеком *ис* как части жизненной силы приводит к его ослаблению, но её также можно вернуть и увеличить. С растратой или потерей этих частичек (жизненных сил) душа-тень утрачивает возможность существовать в Среднем мире, и человек умирает. После смерти *ис-хор* попадает в Нижний мир, где она проживает жизнь в обратном порядке, превращается в жука и исчезает [3; 15, 69–70].

У закамских удмуртов душе *урт* соответствует также древне-тюркское слово *кыт*. *Урт* имеет больше характеристик, чем *лул*. В момент появления на свет ребёнка повитуха проверяла у него глаза для выявления его психического состояния. Считалось нормальным при наличии души *урт*, т. е. зрачки располагались в середине, глаза сами открывались и закрывались, не дёргались, не были выпученными, взгляд не был аномальным. Душа *урт* бывает даже видимой, как тень, и может покинуть тело человека на некоторое время во сне, при сильном испуге, обмороке, тяжёлой болезни.

У удмуртов и обских угров обязательны процедуры, направленные на сохранение душ и тем самым жизни младенцев. Удмуртки к одежде ребёнка пришивали монетки в качестве друга-защиты для сохранения души *урт*, в постель клали металлические предметы. У обских угров в качестве апотропея использовалась сажа, до появления зубов ребёнок носил браслет из бус, его колыбель украшалась защитным орнаментом, а на её дно клали нож, спички и другие обереги.

Душа и предки

В финно-угорских культурах развит культ предков, вера в участие умерших в жизни живых, и тем самым убежденность в прямой связи поколений. Считается, что умершие могут оказывать существенное влияние на жизнь здравствующих потомков. У удмуртов значительная роль им отводится в сотворении жизни человека и в последующем процессе её утверждения: в обеспечении новорожденного душой и в способствовании закрепления души для становления нормального человека. Рождение жизни возможно только при наличии души и её своевременном соединении с телом или же обретении душой тела. В культуре хантов и манси получила своё развитие идея разрастания рода, выразившаяся в представлениях о возможности одной и той же души возродиться в нескольких младенцах, другими словами – посредством системы реинкарнации душ внутри своего рода.

В то же время роль умерших предков повсеместно признавалась двойкой: как смертоносно опасной, так и жизнь спасающей. Наиболее ярко это могло проявляться в период вынашивания и рождения ребёнка. Особую опасность для беременной женщины представляли соприкосновения с умершими. И у удмуртов, и у обских угров полагали, что для предохранения жизни плода женщине не следовало участвовать в погребальных обрядах. В противном случае умерший мог забрать душу ещё не родившегося ребёнка, и у женщины мог произойти самопроизвольный выкидыш или родиться мёртвый ребёнок, т. е. без души. По сей день существует запрет заходить на кладбище с детьми, в особенности с недавно родившимися: похороненный там безымянный младенец может взять душу у живого ребёнка.

После родов при отсутствии знаков жизни у младенца, что определялось как «родившийся без души», немедленно совершали обряд вызывания души ребёнка. Становясь перед печью, открывали заслонку и ударяли по печной крышке, удмуртская повитуха с младенцем в руках кричала: «Умершие, старики, дайте ему/ей душу!». Или же она зажигала спичку в печи и просила умерших: «Принесите душу!». Даже при явных мертворождённых вызывали душу, обращаясь к умершим предкам [5, 45–46; 11, 31–32]. Полагали, ребёнок посылаётся предками, они дают ребёнку жизнь, люди

рождаются и их души приходят из потустороннего мира, из мира предков [5, 46], потому и считали, именно предки способны помочь и в возвращении души. Духи предков – *кулэмъ-ёс-пересьёс* (букв.: умершие-старые) покровительствовали в появлении на свет новых членов рода, к ним обращались и при трудных родах [4, 167].

Отсутствие души могло стать причиной болезни: если ребёнок болел, много плакал, был пугливый, считали, его покинула душа *урт*. Её возвращали, устроив обряд *урт кутон* – ловля души *урт*: «Если *урт* уходит (*уртэз кошкэм*), знахарка ищет его. <...> и увиденная маленькая белая бабочка считается *урт бубыли* (душа-бабочка). Она берет её в полотенце, вносит в избу и на ночь привязывает полотенце с бабочкой к шее больного человека. Тогда же плавят олово и смотрят, на самом ли деле *урт бубыли* является *уртом* того больного человека» <...> Болезненность и плаксивость ребёнка связывали и с несоответствием имени, и в таких случаях ребёнку меняли имя; эту процедуру также называли «ловлей души *урт*» [26, 14]: имя было в непосредственной связи с *урт* и способствовало её сохранению при человеке.

Эти удмуртские обычаи близки по характеру обско-угорским традициям, связанным с определением возродившейся в младенце души. У обских угров важно было знать какая душа вселилась в новорожденного. Это могли подсказать сны, сообщавшие о возвращении души покойного родственника. У северных хантов и манси после рождения специальные «знающие» люди, к которым нередко относилась и повитуха, проводили обряд по определению возродившейся души. Поднимая кузовок с последом, а чаще самого ребёнка, иногда прямо в люльке, под которую клали нож, в уме перебирали имена умерших родственников, если в этот момент чувствовали тяжесть, то считалось, душа этого предка вселилась в новорожденного. Если определяли неверно, ребёнок был беспокойным, много плакал. В этом случае проводили обряд повторно. Таким же образом определялся личный дух-покровитель ребёнка. Особенности имянаречения у обских угров также были направлены на сохранение здоровья и жизни появившегося на свет человека.

Другое свойство души *урт* – в её связи с потусторонним миром: *урт* может превратиться в мотылька – *урт бубыли* или летучую мышь –

урткыч [27, 103–104]. Эти существа активны ночью, поэтому их связывают с душами умерших.

Следует обратить внимание на одну деталь, касающуюся определения души *урт* как тени, силуэта человека. Возможно, «присутствие физической тени рассматривается как один из маркеров реальной земной жизни» [24, 139].

Для обских угров характерны также представления о «бродячей» душе с аналогичным названием *урт* или *хадай-урт*, «урт мёртвого». «С *urt*’ом связано представление о чём-то страшном и опасном. Опасность его в том, что он уводит с собой души живых» [23, 130–131]. Для предотвращения вреда от души *урт* у северных хантов имелись *ура* – миниатюрные селения из домиков, куда «поселяли» изображения умерших не своей смертью [21, 139], у манси подобные сооружения именовались *хара кан* – «место поклонения погибшим в лесу, в воде, на войне» [18, 65].

После смерти человека у хантов и манси было принято также делать его символическое изображение. Наряду с поминальными обрядами, этот обычай позволял облегчить расставание с близким, сохраняя на время связь с его душой, и был частью культа предков [20].

Цветок – душа – жизнь

В верованиях удмуртов примечательна ассоциация души и самой жизни с цветком. Запрещалось рвать и топтать цветы, объясняя, что у рвущего цветы и жизнь будет короткой, как жизнь цветка. В прошлом некоторые родственные организации удмуртов и покровители *воршуд* носили название с прибавлением слова «цветок»: *Зумья сяська* (*Зумья* – *воршуд*’ное имя, *сяська* – цветок); *Тукля сяська*. Подобные названия *воршуд*’а исходят из представления, что летом *воршуды* «улетают на цветы» [1, 86]. У *воршуд*’ной организации было определённое дерево; после рождения ребёнка родители сажали «своё» дерево в его честь, заботились о дереве, следили за его состоянием, выживаемость или гибель дерева означали состояние жизни и здоровья и ребёнка. Очевидно, семантика цветков и растений в удмуртском мировоззрении представляла гораздо больше особенностей и значений, которые уже утрачены, к тому же исследования в этом направлении не проводились.

В период летнего солнцестояния, считалось, что святость ходит-пребывает на лугу на цветах¹. После возведения нового святилища *куала* святость для этого здания была собрана со цветов [19, 68]. Из полевых материалов узнаём, «в середине лета хозяин семьи Педор молился и просил святость для их семейного святилища *куала* со цветов»², и только после совершения такой обрядности святилище получило статус сакрального. Удмурты говорят, мол, кто-то считает, что цветы – это трава, но даже пчелы – священные существа – предпочитают садиться только на цветы; этим доказывая, что цветы представляют нечто исключительное и имеют особенный статус. Человеческая жизнь – тоже сакральность, подобна цветкам. Неслучайно в народной поэзии и молодость, и человеческая жизнь сравниваются с цветком: «юность – синий цветок, прошла, ушла» или «Не чувствуете, как сейчас (перед глазами) же проходит ваш век <...> Только что же был во ржи синий цветок»³.

Обско-угорские материалы раскрывают сущностные представления о сакральной связи растений с миром предков, конкретными родами, имеющее отношение к глубинным истокам, архаике. Они восходят к важнейшему мифологическому символу – Древу Жизни, через который актуализируются сокровенные смыслы существования. Известно также почитание хантами и манси определённых пород деревьев, а также существование у них священных деревьев на сакральных местах отдельных родов. В этнографии обских угров неоднократно подчёркивалось бережное отношение к травинкам, цветочкам и деревьям, а использование последних в хозяйственных целях нередко сопровождалось ритуальными практиками [10]. В мифологических текстах обских угров есть упоминания о временном нахождении души в растениях до её воплощения в новом человеческом теле [12, 87, 160–167].

Перевоплощения

Обские угры до наших дней сохранили систему представлений о реинкарнации, актуализированную в верованиях и ритуальных практиках. Более подробно эта тематика освещена в специальном исследовании [3], где определены основные принципы перевоплощения душ

¹ Eesti Rahvaluule arhiiv (ERA), 0667-16.

² ERA, 0667-24

³ ERA, M2-2733.

лил/лили. Важно отметить, что реинкарнируют обычно родственники, и эта система действует на уровне близкородственных коллективов. Души представителей одного рода, таким образом, составляют собой некое единство, концентрирующееся вокруг культа родового предка – духа-покровителя.

В предшествующих исследованиях по верованиям удмуртов не указывалось, что душа перевоплощается, и следствием этого является рождение человеческой жизни. Ясно только, души «посланы умершими предками» [5, 46]. Наши примеры чётко соответствуют этой идее рождения жизни: обращение к умершим при обряде вызывания души. Но не известно ни одного случая воскресения умершего, когда душа младенца была назначена умершему, а рассказывается о возможном переходе незащищённой души *лул* новорожденного в умершего. По-видимому, душа, однажды освобождённая от тела предка, может перейти только в новорожденного наследника. Известно также, что душа умершего родственника будет перевоплощена.

Следующее замечание соотносится с восприятием удмуртов: «...душа – это то, что важно, и, в соответствии со своими желаниями, она принимает тело. Не душа зависит от тела, а тело зависит от души. <...> Душа существует вечно, но тело возникает в какой-то момент и уходит в какой-то момент. Очевидно, оно уступает душе» [25, 38].

Рассмотрев на удмуртском материале вопрос о перевоплощении души в тело новорожденного, все же остаётся неясным, чья душа перевоплощается в новорожденного, как долго душа умершего предка способна ждать своего перевоплощения, и будут ли все души умершего перевоплощаться однажды.

Обсуждение и заключение

Представления о душе / душах у удмуртов и обских угров затрагивают сложный пласт культуры и указывают на общие и особенные

черты в воззрениях этих народов. Их сравнительное рассмотрение явственно обнаруживает бытование в прошлом общей древней основы, впоследствии развивавшейся самостоятельно в каждой культуре. Близость представлений о жизненной сущности человека выражается в следующем:

Идентичными являются представления о наличии в человеке двух составляющих: душе-дыхании и душе-тени. При этом обско-угорские (*лил / лили*) и удмуртское (*лул*) наименования души-дыхания явно свидетельствуют об этом, как и душа-двойник *урт* у удмуртов и «бродячая» душа *урт* как одно из наименований *ис, ис-хор* у обских угров.

Душа-дыхание (дух) долговечна, душа-двойник (душа-тень) может проявляться лишь какой-то период после прожитой жизни, и с течением времени исчезает.

Общие параллели наблюдаются в символике души в виде птицы, в почитании растений и их ассоциации с жизнью и человеческими душами.

Развитием древних представлений о душе может считаться сложившаяся система представлений о реинкарнации в культуре обских угров, отголоски которой обнаруживаются также и в удмуртской культуре.

Способности души / душ конкретны, при необходимости их можно возвращать владельцу или от лишних душ можно избавляться.

Рассмотренные представления о жизненных силах человека в целом указывают на сущностную идентичность представлений у обских угров и удмуртов. Специфические особенности обнаруживаются в отдельных деталях, касающиеся прежде всего развитой системы обско-угорских представлений о реинкарнации и удмуртских воззрений на связь души и цветка. Они могут являться как следствием утраты в одной из культур соответствующих традиций, так и проявлением собственного развития мировосприятия каждой отдельной культуры, а также возможным влиянием и других культур.

Список источников и литературы

1. Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 4. № 2. С. 77–102.
2. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

3. Волдина Т. В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритальных традиций обских угров. Тюмень: ФОРМАТ, 2016. Ч. 1. 206 с.
4. Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Издание Православного миссионерского общества. Казань: Тип. А. А. Коковиной, 1880. 190 с.
5. Герд К. Человек и его рождение у восточных финнов. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1993. 97 p. (Memoires de La Societe Finno-Ougrienne, 217).
6. Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1888. 90 с.
7. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. I. 152 с.
8. Кашлатова Л. В. «Кочующий облик» женских божеств обских угров // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 125–132.
9. Косарев М. Ф. Образ дерева в мифоритуальной традиции сибирских народов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. М.: Институт археологии РАН, 2006. С. 239–253.
10. Кулемзин В. М. Отношения человек-общество, человек-вещь, человек-природа в традиционных и современных культурах Сибири. М.: Икар, 1997. 48 с.
11. Миннихметова Т. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. *Disserationes Folkloristicae Universitatis Tartuens* 2. Тарту: TÜK, 2003. 257 с.
12. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., нем. языков, сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука: Глав. ред. вост. лит., 1990. 568 с.
13. Молданов Т., Молданова Т. Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 350 с.
14. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
15. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
16. Попова С. А. Понятие «мать» в мировоззрении и фольклоре северных манси // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 373–382.
17. Пятникова Т. Р. Представления «души» в традиционном мировоззрении хантов полноватского Приобья // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск; Воронеж: МАКС-ПРИНТ, 2015. Ч. 1. С. 219–226.
18. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом и Сев.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 208 с.
19. Садилов Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнолог. исслед. УНЦ РАН, 2008. 232 с.
20. Сподина В. И. Вещь в традиционной культуре обских угров сквозь призму мифологемы смерти // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 158–167.
21. Талигина Н. М. Обряды жизненного цикла у сыских хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 176 с.
22. Удмурт калык выжыкылъёс / Люказы но азькылзэ гождъёзы Д. Яшин но Р. Яшина. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 44. 208 с.
23. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных и религиозных верований. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 114–156. (ТИЭ АН СССР, т. 51).
24. Шарапов В. Э. «Концепция» человеческого тела в традиционном мировоззрении коми // Гендерная теория и историческое знание: материалы научных семинаров. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. С. 120–144.
25. Farkas J. “The Body Has No Soul, the Soul Has a Body” The Concept of Soul and Nature in the Hungarian Krishna Valley ecovillage // *Body, Soul, Spirits and Supernatural Communication*. Ed. by Éva Pócs Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. Pp. 34–53.
26. Holmberg U. *Permalai*sten uskonto. Borga: Söderström, 1914. 208 p.
27. Minniyakhmetova T. Symbols of Approaching Death: The Role of the Woman // *Woman, Pain and Death: Rituals in Everyday Life on the Margins of Europe and Beyond*. Ed. by Evy Johanne Håland. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. Pp. 84–107.
28. Vidal F. Soul // *Encyclopedia of the Enlightenment*. Alan Charles Kors (Editor in Chief). Oxford: Oxford University Press, 2003, Vol. 4. Pp. 105–106.
29. Voldina T. V. Family Rituals of the Kazym Khanty // *The Family as the Tradition Carrier*. Conference Proceedings. I. Rüütel, K. Kuutma (eds.). Tallinn: INFOTRÜKK, 1997. Vol. 2. NIF Publications No. 31. Pp. 182–187.

References

1. Bogaevskiy P. M. *Ocherki religioznykh predstavleniy votyakov* [Essays of religious views of the Votyaks]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1890, no. 4 (2), pp. 77–102. (In Russian)
2. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the world of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1994. 384 p. (In Russian)
3. Voldina T. V. «*Dolgoy zhizni vekovechnyy tanets*»: *reinkarnatsiya v kontekste miforital'nykh traditsiy obskikh ugrov* [«The eternal dance of long life»: reincarnation in the context of the mythoritual traditions of the Ob Ugrians]. Tyumen: FORMAT Publ., 2016. Vol. 1. 206 p. (In Russian)
4. Gavrilov B. *Proizvedeniya narodnoy slovesnosti, obryady i pover'ya votyakov Kazanskoy i Vyatskoy guberniy. Izdanie Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva* [Works of folk literature, rituals and beliefs of the Votyaks of Kazan and Vyatka Provinces. Publication of the Orthodox Missionary Society]. Kazan: Tip. A. A. Kokovinoy Publ., 1880. 190 p. (In Russian)
5. Gerd K. *Chelovek i ego rozhdenie u vostochnykh finnov* [A human and his birth among the Eastern Finns]. *Memoires de La Societe Finno-Ougrienne 217* [Memoires de La Societe Finno-Ougrienne 217]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1993. 97 p. (In Russian)
6. Gondatti N. L. *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* [Traces of paganism among the foreigners of North-Western Siberia]. Moscow: Tip. E. G. Potapova Publ., 1888. 90 p. (In Russian)
7. Karjalainen K. F. *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Yugra people]. Ed. by N. V. Lukina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1994. Vol. I. 152 p. (In Russian)
8. Kashlatova L. V. «*Kochuyushchiy oblik*» *zhenskikh bozhestv obskikh ugrov* [«Wandering appearance» of the female deities of the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 125–132 (In Russian)
9. Kosarev M. F. *Obraz dereva v miforitual'noy traditsii sibirskikh narodov* [The image of a tree in myth-ritual tradition of the Siberian peoples]. *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati Valeriya Nikolaevicha Chernetsova* [World outlook of ancient and traditional societies of Eurasia. In memory of Valeriy Nikolaevich Chernetsov]. Moscow: Institut arkhologii RAN Publ., 2006. pp. 239–253. (In Russian)
10. Kulemin V. M. *Otnosheniya chelovek-obshchestvo, chelovek-veshch', chelovek-priroda v traditsionnykh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Relations human-society, human-thing, human-nature in traditional and modern cultures of Siberia]. Moscow: Ikar Publ., 1997. 48 p. (In Russian)
11. Minniyakhmetova T. *Traditsionnye obryady zakamskikh udmurtov: Struktura. Semantika. Fol'klor. Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis 2* [Traditional rituals of the Trans-Kama Udmurts: Structure. Semantics. Folklore. Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis 2]. Tartu: TÜK Publ., 2003. 257 p. (In Russian)
12. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, fairy-tales of the Khanty and Mansi people]. Ed. by N. V. Lukina. Moscow: Nauka: Glav. redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1990. 568 p. (In Russian)
13. Moldanov T., Moldanova T. *Ocherki traditsionnoy kul'tury khantov: izbrannoe* [Essays on traditional culture of the Khanty people: selected works]. Khanty-Mansiysk: Pechatnoe delo Publ., 2010. 350 p. (In Russian)
14. Napolskikh V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta* [Udmurt materials of D. G. Messerschmidt]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2001. 224 p. (In Russian)
15. Popova S. A. *Obryady perekhoda v traditsionnoy kul'ture mansi* [Rites of transition in traditional culture of the Mansi people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. 180 p. (In Russian)
16. Popova S. A. *Ponyatie «mat'» v mirovozzrenii i fol'klore severnykh mansi* [The concept «mother» in the worldview and folklore of the Northern Mansi]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 373–382. (In Russian)
17. Pyatnikova T. R. *Predstavleniya «dushi» v traditsionnom mirovozzrenii khantov polnovatskogo Priob'ya* [Concepts «soul» in traditional worldview of the Khanty of Polnovat Ob Region]. *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa* [Problems and perspectives of socio-economic and ethnocultural development of the indigenous peoples of the North]. Khanty-Mansiysk; Voronezh: OOO «MAKS-PRINT» Publ., 2015. Vol. 1. pp. 219–226. (In Russian)
18. Rombandeeva E. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of the Mansi (Voguls) people and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: Severnyy dom i Severo-Sibirskoe kn. izd-vo Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
19. Sadikov R. R. *Traditsionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya)* [Traditional religious beliefs and rituals of the Trans-Kama Udmurts (history and modern tendencies of development)]. Ufa: Tsentr etnologicheskikh issledovaniy UNTs RAN Publ., 2008. 232 p. (In Russian)

20. Spodina V. I. *Veshch' v traditsionnoy kul'ture obskikh ugrov skvoz' prizmu mifologemy smerti* [Thing in traditional culture of the Ob Ugrians through the prism of the mythologeme of death]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (1), pp. 158–167. (In Russian)

21. Taligina N. M. *Obryady zhiznennogo tsikla u synskikh khantov* [Rituals of life cycle of the Synya Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2005. 176 p. (In Russian)

22. Chernetsov V. N. *Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov* [Representations about the soul of the Ob-Ugrians]. *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh i religioznykh verovaniy* [Researches and materials on issues of primitive and religious beliefs]. Moscow: AN SSSR Publ., 1959. pp. 114–156. (*Trudy instituta etnografii AN SSSR, t. 51* [Proceedings of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, vol. 51]). (In Russian)

23. *Udmurt kalyk vyzhykyl»es* [Udmurt folk tales]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2000. 208 p. (In Russian)

24. Sharapov V. E. «*Kontsepsiya*» *chelovecheskogo tela v traditsionnom mirovozzrenii komi* [«Concept» of a human body in traditional Komi worldview]. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie: materialy nauchnykh seminarov* [Gender theory and historical knowledge: materials of scientific seminars]. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU Publ., 2004. pp. 120–144. (In Russian)

25. Farkas J. «The Body Has No Soul, the Soul Has a Body». The Concept of Soul and Nature in the Hungarian Krishna Valley Ecovillage. *Body, Soul, Spirits and Supernatural Communication*. In: Éva Pócs (ed.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. pp. 34–53. (In English)

26. Holmberg U. *Permalaisten uskonto*. Borga: Söderström, 1914. 208 p. (In Finnish)

27. Minniyakhmetova T. Symbols of Approaching Death: The Role of the Woman. *Woman, Pain and Death: Rituals in Everyday Life on the Margins of Europe and Beyond*. Ed. by Evy Johanne Håland. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2008. pp. 84–107. (In English)

28. Vidal F. Soul. *Encyclopedia of the Enlightenment*. Alan Charles Kors (Editor in Chief). Oxford: Oxford University Press, 2003. Vol. 4. pp. 105–106. (In English)

29. Voldina T. V. Family Rituals of the Kazym Khanty. *The Family as the Tradition Carrier. Conference Proceedings*. I. Rüütel, K. Kuutma (eds.). Tallinn: INFOTRÜKK Publ., 1997. Vol. 2. NIF Publications no. 31, pp. 182–187. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волдина Татьяна Владимировна, ведущий научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А), кандидат исторических наук.

tatyana.voldina@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6527-370X

Миннияхметова Татьяна Гильнияхметовна, Независимый исследователь (Институт Европейской этнологии, университет Инсбрука, Австрия) (Австрия, Инсбрук, Иннраин 52 А-6020), кандидат исторических наук, доктор философии.

minnijah@hotmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8882-2719

ABOUT THE AUTHORS

Voldina Tatyana Vladimirovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira St., 14A), Candidate of Historical Sciences.

tatyana.voldina@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6527-370X

Minniyakhmetova Tatyana Gilniyakhmetovna, Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (A-6020, Austria, Innsbruck, Innrain 52), Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences.

minnijah@hotmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8882-2719